

АЛЕКС БЕССМЕРТНЫЙ

ДЕЙСТВИЕ
SKY ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

Аннотация

Случается так, что человек, оказавшийся на грани смерти, вознаграждается необычайными способностями. Сергей, Алтай и Тим обрели дар перемещения в иные миры. Герои этого романа живут в разных Вселенных, во временах, когда на карту поставлено всё, на переломе своих судеб. Проходя через жестокие испытания их души сплелись в одну. Случайное неслучайно.

Жёсткий боевик или философская притча? Новое фэнтези или суровая проза жизни? Захватывающий драйв приключений или диалог о Пути и Смысле? Фантастика или реальность? Это — Действие SKY. Книга, которая делает тебя сильнее. Книга, которая помогает, когда тебе трудно. Книга для тех, кого пленяет вечное очарование Тайны. Книга, которая заставит думать и спорить. Книга для тех, кто готов...

Алекс Бессмертный

Действие SKY. Часть первая

Пролог

10-е сентября. Именно этот день я считаю датой начала череды событий, изменивших мою жизнь. И событий, которые изменяют жизнь немалого числа тех, кто сейчас читает эти строки. Теперь я в этом уверен.

Это был обычный будничный питерский день, начинающей вступать в свои права осени, дождливый, как водится. Впрочем, накапывающий дождик был не по-осеннему тёплым. Он то ли накапывал, то ли шуршал: «Ещё не конец... Лето ещё не ушшло.»

Вечер плавно опускался на городской муравейник. Помню, у меня было тогда, неизвестно откуда и почему, взявшееся ощущение, будто что-то, должно произойти. Что-то необычное, что-то волнующее...

Было около семи. Плюс-минус. Я бежал в составе, уже начинающей немного редеть людской толпы вдоль Загородного проспекта в то место, где он стекается с Московским, к метро «Технологический институт». Вот уже показалось полукружье здания станции. Бежевый верх,

коричневый каменный низ. Толпа внесла меня в массивные двери, протащила по эскалатору и выплеснула на пол подземного зала.

Тут же подошёл поезд. Не мой. Мне в другую сторону. Выплюнул из себя новую тучу людей. Стало совсем тесно. И тут, в этой толчее я заметил, как какой-то мужчина выронил толстую чёрную тетрадь. Или блокнот? Я машинально поднял эту штуку и бросился за потерявшим, но тут же столкнулся с какой-то полной дамой, потом ещё с кем-то. Тем временем мужчина протиснулся в двери вагона, они захлопнулись, а я остался со своей находкой и в замешательстве.

Замешательство прервал гул вырывающегося из тоннеля поезда, уже моего. Я ринулся к дверям, протолкнулся в вагон. «Осторожно! Двери закрываются. Следующая станция — Пушкинская».

Я пока совершенно не знал, что мне делать со своей находкой. Вернуть прежнему владельцу? Но как мне найти его в многомиллионном городе? Да и узнаю ли его, даже если и встречу? Что я могу сказать он нём? Среднего роста, щуплый, славянской национальности, волосы, кажется, русые. На вид лет тридцать пять, не больше. Одет обычно: джинсы, куртка. Самый заурядный. Ничем не примечателен. Такой же как я... Да и лица-то я его толком не разглядел. Нет, точно не узнаю. Может быть, при метрополитене есть какое-нибудь

бюро находок? Должно же быть, по идее! Сдать туда? А где его искать? Может быть, просто отдать работникам станции?

За этими размышлениями я проехал несколько станций. В вагоне стало посвободней. Рядом освободилось место. Я сел. Путь неблизкий, мне до конечной — Девяткино.

Блокнот оказался у меня на коленях. Что у нас пока ещё делают люди, когда сидят в метро? Чёрная пухлая книжица стала манить меня к себе. Я не смог долго сопротивляться искушению. Открываю. Читаю.

Написано от руки (а от чего же ещё, это же ежедневник, его в принтер не загнать). Исписано мелким почерком. Но ничего, у меня талант разбирать почерка.

«10 сентбря 2004 г.

Я никогда не вёл дневников, и не понимал тех, кто это делает. Но сегодня, совершенно неожиданно для себя, я почувствовал громадную необходимость в этом. Будто что-то изнутри толкнуло меня. Я ощутил это физически. Природа случившегося необъяснима для меня, как и многое другое из того, что происходит со мной в последнее время. Это не помешательство. По специальности я врач-невропатолог, да и в психиатрии кое-что да смыслю, так как то, над чем я работаю в течении последних четырёх лет лежит на стыке, в том числе,

и этих двух наук. Поэтому я знаю — так с ума не сходят.

Я не могу ответить себе, для чего я начал писать этот дневник. Для того чтобы разобраться в событиях странных и загадочных? Для того чтобы понять себя и действительность, которая вдруг стала для меня неизмеримо шире, чем та, которую я знал раньше? Или для того, чтобы пережить очень трудные времена, которые, совершенно определённо, ждут меня вскорости? Или от внутреннего одиночества, которое всё более овладевает мною? Я не знаю для кого я пишу этот дневник — для себя или для кого-то другого, других. Я не знаю. Но всем своим нутром чувствую, что **так надо ...»**

Так, это дневник. Начало дневника датировано десятым сентября 2004-го. Сегодня тоже десятое сентября, только 2007-го. Случайность? Или, как говорил Булгаков: «Кирпич, батенька, просто так никому на голову не падает.» Помню, когда я впервые прочитал эту фразу, она мне как-то запала в душу, но то, что он действительно просто так не падает, я не верил, по крайней мере, до того момента, пока мне на голову не упал мой кирпич в виде этого чёрного ежедневника. Правда пока, я ещё и близко не догадывался, что это — **мой** кирпич. Я наугад перелистывал страницы и вчитывался в строчки,

написанные мелким почерком.

Когда я выходил из вагона на «Девяткино», я уже точно знал, что не отдам чёрный блокнот никому на свете, пока не прочту его от корки до корки. Я далёк от мистики, но в тот момент у меня стало появляться странное ощущение, что эта рукопись должна была попасть именно ко мне, и именно теперь.

Что произошло со мной дальше под влиянием этой находки? Об этом я напишу потом, в самом конце. Напишу немного. Потому, что это — не так важно. Важно другое. Я понял, что моя, если хотите, миссия состоит в том, чтобы донести до вас то, что было в этой рукописи. До тех из вас, кто **ГОТОВ ...**

Я почти не правил создавшего дневник. Да и кто я такой, чтобы править. Я не литератор. Я технарь. Школьные сочинения всегда мне давались с трудом. Так что, дневник этот я просто переписал. Я убрал даты, потому-что считаю, что они не нужны, — рвут ткань. И дневник превратился в повесть. Или роман? Честно говоря, я не знаю, чем одно отличается от другого. Кое-где, я, изредка, вставлял свои добавления. Их я буду выделять косой скобкой, и ставить свои инициалы: А. Б.

Глава 1

Дневник незнакомца

Это моя первая осень в городе, в который я влюблён. Влюблён с детства. Я помню, как уже чуть ли не сначала весны начинал испытывать радостное предвкушение того, как я снова окажусь здесь, ведь на летние каникулы родители снова отправят меня к дяде Антону и тётке Эле в Ленинград! Но это всегда было только летом, а в конце августа нужно было неизменно возвращаться домой, в родной город. /Он, автор дневника, конечно, писал название этого города. Город этот большой, и известен всякому, но по причинам, которые откроются позднее, я счёл правильным не упоминать его названия. Поэтому там, где у автора стоит название города, я буду писать «родной город» А. Б./ Так что, наконец, я узнаю «что такое осень» питерская, неоднократно воспетая поэтами. Да и в Питере-то я тоже первый раз! Ведь приезжал ранее я не в Питер, а, простите, в Ленинград. Последний раз был тут в 1991-м. Прошло тринадцать лет. И вот мы здесь, я и Марина. Мы полны надежд, амбиций и планов. Мы приехали сюда за лучшей достойной жизнью, но, в первую очередь, мы приехали сюда за Мечтой. Знаем, поначалу будет трудно. Но мы умны, в нас кипят энергия и энтузиазм, и мы верим: всё будет

хорошо! К тому же Питер, ведь это тоже родной мой город, и он поможет нам.

Как случилось, что мы оказались здесь? Быть может благодаря тому, что в приснопамятном 91-м году три президента, ни у кого не спрашивая, приняли всем известное решение в Беловежской пуще? Никто тогда не думал о последствиях, и уж подавно — о судьбе «нетитульных» наций, оставшихся в бывших Республиках бывшего Единого и Могучего. А нас начали оттуда выживать, сначала откровенно, бросая в лицо: «убирайся в свою Россию!» Потом, более «цивилизованно» — стало закрываться всё больше русских школ, делопроизводство полностью перешло на национальный язык, бабушки-пенсионерки, пытаясь заполнить квитанции, ничего не могли разобрать... С любых мало-мальски значимых должностей исчезли лица с неместнонациональными фамилиями. Мой отец, доктор наук, профессор, двенадцать лет руководил кафедрой, которую, в общем-то, сам и создал. Его сместили, и все прекрасно знали, что это только потому, что он — русский. Человек, назначенный на его место, абсолютно безграмотный в профессии, но чванливый и высокомерный, естественно, титульной нации, принадлежащий к одному из влиятельных здесь кланов, за несколько месяцев развалил всё то, что мой отец строил и

пестовал не один десяток лет. Кафедру закрыли, работы свернули. А ведь для отца это было делом жизни. Сердце его не выдержало, и в 93-м отца не стало.

Я ни в чём не виню людей местной национальности. В большинстве своём это добрые, тёплые, трудолюбивые люди, народ, с которым за долгие годы совместной жизни мы успели, во-многом, сродниться. Так что, «это не они такие, это жизнь такая». Должно быть, что-то шло сильно не так, раз теперь они к нам эдак...

«Убирайтесь в свою Россию!» Да какая она моя? Я родился здесь, на этой...ской земле, которая была частью великой, **моей**, страны. Моя родина — СССР. И это не лозунг, это мироощущение. Но здесь, в этой Республике — мой город, мой дом, двор моего детства, дорожки сквера вдоль набережной, по которым гулял с девчонкой, когда первый был влюблён, моя школа, мои друзья... /В авторском тексте, конечно же, стоит название той страны, бывшей советской республики, из которой прибыл наш герой. Но по тем же причинам, по которым я счёл не называть города, я не называю и страны. Там, где в авторском тексте стоит название страны, здесь стоит слово «Республика». А. Б./ Здесь родились мои родители. Дедушка с бабушкой приехали сюда молодыми, по комсомольской путёвке, из под Тамбова в начале 30-х. Здесь мои

корни. Здесь моё всё. И вот теперь я вынужден отсюда убраться...

И мы убирались. Больше повезло тем у кого была возможность перебраться в крупные города исторической родины. Тем же у кого такой возможности не было, и кто рванул отсюда в мелкие городки и деревни, подчас приходилось совсем туго. Мы, азиатские русские, другие. Мы мало пьём, много работаем, хозяйская предпринимательская жилка у многих из нас в крови. Отстраивались, обзаводились крепким хозяйством, посереде ленивой бедности и пьянства российской глубинки лихих девяностых. Это вызывало непонимание, зависть и гнев коренных братьев по крови. «Совсем охренели, куркули недобитые! Народ бедствует, а они...» Жгли дома, вырезали скот. А нам говорили: «Убирайтесь в свою азию, чурки!» Вот и получалось, что нигде мы не нужны, не на своей родине, не на исторической. И таких нас, ой, как много. Думали ли о нас, подписывающие договор в Беловежской пуще? Вопрос риторический. Я полагаю, что они вообще ни о ком не думали, кроме как о себе и о своей власти.

Тем временем в Родном Городе становилось всё меньше друзей. По мере того, как перестали жечь дома переселенцев, и российские бандиты начали превращаться в депутатов, матушка-Русь потихоньку, вроде бы стала подниматься с колен. У

нас же в Республике становилось всё хуже, во всех отношениях. И друзья продолжали уезжать. Семьями и по одиночке. И почти никто из них не жалел о том, что уехал. Ни о чём, кроме одного. Русские в России — другие, не такие как мы. Нет здесь тепла в отношениях между людьми, тепла к которому мы привыкли. Я слышал, что если в Москве ты зайдёшь в гости, тебе чаю далеко не всегда нальют, и это — норма. Я не верил, пока случай не представился убедиться в этом лично. Для них это норма, а для нас — дико. Не хочу жить по таким нормам. Но вот что удивительно, в Питере, в этом северном городе, люди почему-то теплее, душевнее. Они похожи на нас! По крайней мере были. Ведь я не был здесь с 91-го. Если их не выморозили девяностые, не опустошила душу эпоха потребления, пришедшая на смену голодному лихолетью, и «квартирный вопрос» не до конца испортил, то, может быть, они такими же и остались? Я очень хочу на это надеяться. Так что, если уж ехать (а ехать надо!) то, решили мы с Мариной — только в Питер. Да и мать мне говорила: «Куда ж ещё? У нас только там родственники есть, помогут хоть тебе, на первых порах.»

Ещё почему я здесь? Вот, говорят: «да что ж вы все в столицы то прётесь? Москва с Питером не резиновые! Что в провинциях врачи не нужны? Да

их там не хватает! Нет же, всё вам послаще и пожирнее хочется. Задолбали!» И ведь правильно, наверное, говорят! А в институте у нас среди русскоязычных студентов так говорили: «вот резать начнут, тогда место земского врача в Мухосранске для тебя счастьем будет!» Резать не начали. Слава богу. Значит, есть возможность не бежать без штанов в первый попавшийся «Мухосранск», лишь бы приняли, а как-то спланировать свой отъезд, тщательно подготовиться.

Я родился и прожил всю свою, до нынешнего момента жизнь, в большом столичном городе. Я с детства привык к широким проспектам, просторным скверам, огромным домам, толпам народа на улицах. Привык, когда вокруг бурлит жизнь, когда вокруг тебя продвинутая тусовка. (Эх! Где сейчас эта тусовка? Кто в Нью-Йорке, кто в Сиднее, кто в Тель-Авиве, кто в Москве...Заметьте, все в стольных городах!) Жизнь в маленьком городке... Я бы не смог к этому привыкнуть.

Ну и потом, чего греха таить? Да, я хочу лучшей жизни, во всех смыслах. Хочу больше зарабатывать, лучше одеваться, хочу иметь возможность путешествовать по миру. Хочу зрелищ. Наверяд ли Большой театр или Пол Маккартни приедут на гастроли в Кострому. (Ничего не имею против Костромы, но ведь не приедут!) Но самое главное — я хочу

реализоваться, а у нас так повелось, что сделать это можно, зачастую, только через столицу.

Я не знаю отчего у нас так. Но вот вы можете представить себе американца, который всеми правдами и неправдами рвался бы из Сиэтла, Бостона или, скажем Чикаго, в Нью-Йорк или Вашингтон, потому что в последних уровень жизни выше и перспектив больше? Или немца, перебирающегося из Гамбурга в Бонн, потому-что в первом нет ни условий, ни возможностей для роста и карьеры, как учёного, артиста или художника? Вот и я не могу представить. А у нас почему-то издревле повелось, что всё лучшее в центре, а остальное, как говорится, по остаточному принципу... Лозунг «Если хочешь чего-то добиться — мотай в столицу» неизбежно актуален уж несколько веков. Глупо? Да! Неправильно? Ужасно! Но, есть как есть, и в наши столицы будут ехать и ехать новые люди.

Да и кто сейчас, в основной своей массе, московский и питерский люд? Это те, кто когда-то прибыл сюда из провинциального далёка за лучшей жизнью. Кто за знаниями, кто за карьерой, кто за деньгами, кто за славой, а кто за этой самой реализацией. Янковский, Абдулов, Ломоносов... Да-да, тот самый, из поморского села. Список даже самых известных личностей можно продолжать почти до бесконечности. Дрались. Пробились.

Прижились. Осели. Дали корни. Стали столичными жителями, и теперь недовольно ворчат на вновь прибывающие партии: «понаехали!» Я должен реализоваться, и поэтому я приехал не в Камышин или Плещеевку, а сюда, в северную столицу России.

Звучит так, как будто оправдываюсь. Но оправдываться мне не за что, хоть я и не Ломоносов. Все имеют право на мечту.

И ещё одна причина того, что я, именно здесь. Лет с четырнадцати я мечтал стать врачом. А до этого путешественником, мореплавателем, искателем приключений. В восьмидесятые многие мальчишки мечтали о чём-то подобном. Едва ли кто-то тогда хотел быть банкиром или Президентом. А ведь в любой экспедиции, на Эверест ли, или в дебри Амазонки, нужен врач! Помните доктора Ливси из «Острова сокровищ»? Он был одним из моих любимых героев. Ведомый такими романтическими мотивами я пошёл в медицинский, хотя в семье у нас никогда не было ни одного медика.

Естественно, я бредил хирургией, ведь врач экспедиции должен уметь обращаться со скальпелем, да и вообще, нравилась мне хирургия. Но окружающая меня действительность стала возвращать меня с небес романтических мечтаний на грешную землю. На четвёртом курсе, по

предложению моего преподавателя, я стал оставаться на ночные дежурства в хирургическом отделении. Это прекрасная возможность набить руку. Я начал асситировать, то есть помогать оперирующему хирургу, при аппендицитах. Аппендэктомия, наверное, самая частая ночная операция. Научился делать разрезы, накладывать швы, да и ещё много чему другому. Преподаватель мой, старый хирург — Вяткин Василий Фёдорович, был хирургом от Бога. В свои шестьдесят пять он оставался скромным младшим научным сотрудником кафедры, всего лишь кандидатом меднаук. Но то и дело, его срывали с занятий и вызывали в операционную, когда какой-нибудь маститый профессор, а то и академик местного разлива, сталкивался с каким-то сложным для него случаем. И Василь Фёдорыч брался за скальпель, в то время, как академик смиренно наблюдал за работой Мастера.

Так вот, Василь Фёдорыч говаривал мне: «Эх, Серёжа, вижу, нравится тебе это дело, но нацией ты не вышел. Русским у нас в Республике в хирургию дорога закрыта. Вот я последний на кафедре остался. А ты по больницам пройди, увидишь тогда, что ни русских, ни евреев, ни татар уже и нет среди наших хирургов. Никто тебя не продвинет, никто не поможет. А знаешь, что самое страшное? Допустим, ты всё же, каким-то чудесным образом

пробился в хирургию и работаешь в клинике. Но тебе не дадут оперировать, ты будешь вечным ассистентом. И вот, представь, тебе уже сорок лет, опыта, знаний немерено, а ты стоишь с крючком в руке и наблюдаешь, как какой-нибудь молодой блатной болван местной национальности, у которого из достоинств только то, что у него есть папа с титулом и связями, больного гробит на столе. А ты ничего сделать не можешь, потому-что он — ведущий хирург, а ты просто ассистент. Вот это, действительно, страшно. Но, скорее всего, этого не произойдёт, потому что в клинику тебя здесь не пустят. Просидишь всю жизнь в травмпункте, в какой-нибудь поликлинике захолустной. А ведь ты скоро женишься, тебе семью кормить надо, а на одну зарплату поликлинического хирурга, сам знаешь, у нас это нереально. Да и к тому же, ты — способный парень, тебе науку делать надо, а не в травмпункте штаны просиживать. Так что, либо дуй в Россию, либо выбирай другую специализацию.»

Но так как «дуть в Россию» в то время я ещё не собирался, оставалось второе — выбрать себе другую дорогу в медицине. Мой выбор пал на неврологию. Не только потому, что среди кадров местной национальности быть невропатологом считалось делом непрестижным и недоходным, а сама неврология сложной и муторной, а значит,

оставались возможности и для докторов нетитульной нации хоть чего-то добиться здесь, на этой стезе, а больше из-за моего друга, вернее, из-за того, что с ним случилось.

Лёшка Серпов. А просто — Серп, был моим лучшим другом, другом с детства. Вместе играли в «казаков-разбойников», вместе облазили все стройки и крыши, вместе спасались от мелких гопников с соседнего «Шанхая», дрались с козлами из «профессорского» двора. Вместе зачитывались Жюлем Верном и Джеком Лондоном, вместе мечтали о Гималаях и о путешествиях под парусами. Вместе заслушивались Битлами, Пинк Флойдом, «Машиной» и «Кино». Вместе научились бренчать на гитарах аккомпанемент, и даже, как сумели, написали рок-оперу. Вместе начали бегать за девчонками. Вместе поступили в институт, правда, я в медицинский, а Серп в политех. Вместе начали ходить по серьёзному в горы, занялись альпинизмом. У нас было столько совместных планов! Жизнь казалась нам начинающимся прекрасным приключением.

А потом Серп упал со скалы. Неудачно. Крайне неудачно. По-роковому неудачно. Перелом шейных позвонков со смещением. Полный разрыв спинного мозга в шейном отделе. Вы можете себе представить что это такое, что чувствует и переживает человек с которым это приключилось,

какой становится его жизнь? Ну да я вам сейчас расскажу, как невропатолог...

Такая жизнь хуже смерти. Это то, что может произойти с человеком из того, что страшнее, чем смерть. Сразу после травмы развивается спинальный шок. Всё ваше тело, начиная от шеи, парализовано, вы полностью обездвижены. Все ваши мышцы — обмякшая каша, руки и ноги бесмошно висят, как плети. Ваше тело, ниже места повреждения, полностью теряет чувствительность. Оно мёртвое. Его просто нет. Вы когданибудь отлёживали во сне руку, так, что совершенно её не чувствовали и не могли пошевелить ею? А вот теперь так чувствует, а вернее, не чувствует себя всё ваше тело. И только то место, где переломана ваша шея, мучительно-ноюще болит и напоминает вам, что вы ещё живы. Парализованы не только ваши мышцы, но и ваш кишечник, и мочевого пузырь, и ваш детородный орган. Вы не можете ни освободить кишечник, ни помочиться. Правда, вы и не чувствуете нужды в этом, вы ведь, вообще, ниже шеи ничего не чувствуете. Но если искусственно не освобождать вас от этого содержимого, то скоро токсины из кала и мочи начнут поступать в вашу кровь, и отравление добьёт ваше и без того безжизненное тело. И смерть эта будет медленной и мучительной.

Врач скажет вам, что нужна операция, что,

может быть, после удачно проведённого вмешательства, движения и чувствительность постепенно восстановятся. Но зачастую, врач знает о вашем прогнозе и до операции — он судит об этом по результатам томографии. И если он видит, что вещество спинного мозга разрушено, произошёл полный анатомический перерыв оногo, то врач знает, какое будущее вас ждёт, ждёт без вариантов, но, из гуманных соображений, не говорит вам об этом. Операцию вам всё же делают, для того, чтобы не началось нагноение гематомы и не развилась инфекция в травмированном месте, а также для того, чтобы процесс не пошёл по остаткам вашего мозга выше, туда, где находятся центры связанные с дыханием, потому-что, если это случится, вы не сможете самостоятельно даже дышать.

Вот вас прооперировали. Через месяц-полтора спинальный шок проходит. Но легче вам от этого не становится — начнется стадия спинальных автоматизмов, — это когда спинной мозг начинает жить своей жизнью, в отрыве от головного. Ни движения, ни чувствительность ни на йоту не восстанавливаются, ваше тело по прежнему мёртвое. Вы по-прежнему не можете самостоятельно отправлять естественные надобности. Вам каждый день ставят клизмы и выковыривают кал (простите уж меня за такие

подробности). Вам накладывают эпицистостому — постоянное отверстие в вашем мочевом пузыре, таким образом, у вас появляется дырка в животе, откуда постоянно сочится моча. Так как спинной мозг отныне живёт лишь по своим законам, ваша до сих пор расслабленная мускулатура, начинает сама собою сжиматься, скручиваясь тугим узлом. Оставшиеся без движений мышцы, быстро пожирает дистрофия. Ручки и ножки становятся тоненькими и скрюченными, развиваются контрактуры, — это когда мышечная ткань превращается в хрящ, и процесс этот необратим. Вы весь навсегда обращаетесь в высохшего скрюченного уродца. Даже несмотря на то, что вас несколько раз в день переворачивают, моют, обрабатывают вам кожу, у вас появляются пролежни и трофические язвы. Такая вот жизнь.

Но, наверное, самое ужасное начинается тогда, когда до вас начинает доходить невыносимая, адская правда: так будет до конца ваших дней. Ваша прошлая жизнь закончилась, а будущая перечёркнута. Все ваши планы, надежды, чаянья — рухнули. Вы начинаете понимать, что вы больше никогда не увидите моря, не услышите его манящего шума, никогда не поднимитесь на вершину горы, испытывая безумную усталость, перемешанную с восторгом преодоления и опьянения от высоты и грандиозности

открывающихся перед вами видов, никогда более вы не пройдёте по тропке елового леса, вдыхая девственный запах хвои. Да что там море, горы и леса, вы больше никогда не потанцуете в клубе, не сходите в кино, в кафешку; вы даже не спуститесь в булочную, что у вашего подъезда! Вы больше никогда не будете ласкать женщину, и не испытаете её ласк, ведь ваше тело больше ничего не чувствует и не будет чувствовать никогда. Вы понимаете, что вы отныне — пожизненная развалина, абсолютно беспомощный овощ, жалкий кусок умирающего мяса, полностью зависящий от ухода окружающих. Вы осознаёте, какая вы обуза для своих близких. Вы видите как они вас любят, как они вам сочувствуют и стараются уменьшить ваши страдания, вы знаете, что они ни за что не позволят вам умереть и будут делать всё, чтобы как можно дольше продлить ваши дни, но от этого вам становится только ещё больней. Но самое отчаянно-гнусное состоит, наверное, в том, что от вас ничего уже не зависит. Вы не можете ни изменить своего положения, ни прекратить всё это. Вы абсолютно беспомощны. За вас всё делают другие, и они же принимают за вас все решения, в том числе и о том, жить ли вам (если это можно назвать жизнью) или умереть. Как хорошо это было показано в фильме «Море внутри»! Я увидел его совсем недавно, буквально, за день до нашего

отъезда в Питер. Там главный герой, в исполнении Хавьера Бардема, так же как и Серп, неудачно нырнул (только он в море, а Лёшка со скалы на камни). И смыслом его жизни на долгие годы, стала борьба за право добровольно уйти из неё.

По-моему, такая жизнь — и есть ад. Настоящий, без кавычек. Ведь, что такое ад в христианском понимании? Это вечные страдания, без всякой надежды на их прекращение. Так чем же тогда отличается от ада жизнь человека попавшего в такое положение? Он ещё не умер, но уже в аду.

Кто-то скажет: «А как же сила духа и смирение? Ведь можно принять случившееся, изменить отношение. «Не можешь изменить ситуацию — измени отношение к ней!» И потом, можно же отыскать новый смысл бытия, и наполнить свою жизнь им, несмотря на такое своё положение!»

Отвечу: согласен. Но по опыту знаю, что таких — единицы. Я восхищён этими людьми, титанами духа, но большинство других, простых смертных, не способны принять произошедшее с ними, как искупление, как испытание, как предназначение, как милость господню, в конечном итоге, как благо, и осветить свою жизнь новым смыслом. Да, большинство воспринимает это как вопиющую несправедливость: «почему я?!», и погружаются в бездонную пропасть отчаяния.

Потом привыкают. Нет, не смиряются, а именно привыкают, и просто влачат своё существование без радости, без смысла, без цели, как роботы, имеющие душу.

Не смог принять своего положения и Серп. Он просто лежал в глубокой депрессии, отрешённый, безучастный, молчащий. Он оживился только тогда, когда я как-то сказал ему: «Серп! Я же будущий врач. Я выучусь и поставлю тебя на ноги. Я найду, я изобрету способ. Обещаю тебе!» Я был искренен в своём порыве. Лёха это почувствовал. Он взглянул на меня, и впервые за много месяцев заговорил со мной: «Обещаешь? Правда? А у тебя получится?»

— Я всё сделаю, чтоб получилось, Серп.

На какое-то время он ожил. Родители его не могли нарадоваться, и если сказать, что они были мне благодарны, то это не сказать ничего. Они меня боготворили.

Но потом всё вернулось на круги своя. Серп опять ушёл в себя, в свою депрессию. Наверное, не увидел во мне, в своём другане — Сером, спасителя человечества от этого недуга.

Он угасал. Несмотря на стоические усилия его родителей, на их идеальный уход за ним, всё чаще и всё больше появлялись пролежни. Они нагнаивались. Иммуниет падал. Через пол года Лёхи не стало...

При такой травме, при грамотном уходе, человек может прожить и несколько десятков лет. Но Серб **сильно не хотел** жить, и организм пошёл ему навстречу.

Так, благодаря Серпу, похоже, я получил своё **предназначение** в жизни. Я должен найти способ поднимать на ноги спинальных больных. Конечно, специальность нейрохирурга больше подходила бы для реализации такой миссии, но поскольку хирургия в этой стране для меня заказана, что ж, подойдёт и неврология. Так я выбрал свой путь в медицине, а возможно, и в жизни.

Ещё будучи студентом я начал свои поиски. Я узнал, что Дикулю, который будучи цирковым артистом, сам сломал позвоночник и был парализован, удалось разработать систему реабилитации, благодаря которой он и сам вернулся в строй, и помог многим другим спинальникам снова начать чувствовать и ходить. Я перелопатил все труды учёных, пытающихся объяснить феномен системы Дикуля. Основную суть я понял так.

Большая роль в этой системе отводится идеомоторной тренировке. Это когда вы просто упорно, по многу-многу раз представляете, как ваша парализованная и ничего не чувствующая рука или нога снова двигается и снова ощущает тепло, холод, прикосновения... И, О чудо! Через несколько месяцев занятий, в ваши омертвевшие

было члены, начинают постепенно возвращаться подвижность и способность чувствовать. Учёные обнаружили, что в результате этих тренировок, одновременно с двух концов, перерезанного травмой спинного мозга, пробиваясь через образовавшуюся рубцовую ткань, начинают прорасти, тянуться навстречу друг другу отросточки нервных клеток. Они соединяются, и непрерывность спинного мозга восстанавливается! Ваше тело снова подвластно приказам мозга, а мозг снова чувствует сигналы вашего тела! Так, идеальное, ваши мысли и образы, превращается в материальное — новую нервную ткань. Что же первично, материя или сознание? Правда, почему и как это происходит, наука пока ответить не может.

Чуть позже я узнал историю легендарного американского врача-психиатра и гипнотизёра Милтона Эриксона. В юношестве он перенёс полиомиелит и был полностью парализован. Он придумал свою систему тренировок. Занимаясь по ней Эриксон сотворил невероятное: неизлечимый паралич был побеждён, движения восстановились в полном объёме. Но меня поразило то, что его система была в точности тем же, что и идеомоторная тренировка Дикуля! Произошло это задолго до Дикуля, где-то в тридцатые годы, и Дикуль, создавая свою тренировку, скорее всего, не знал о методе Эриксона, ведь подобная литература

из-за бугра была у нас в то время под запретом. Значит, Дикуль заново открыл уже открытое, что отнюдь не умаляет его заслуг.

Но оставалось много неразрешимых вопросов, главный из которых звучал так. Почему, порой, у одних пациентов, несмотря на то, что поражения у них не так серьёзны и тренируются они упорно, не происходит никаких изменений к лучшему, а у других, у которых объём поражений спинного мозга ужасающ, и в тренировках они не так настойчивы, мы подчас получаем очень обнадеживающий результат? Я долго искал ответ на этот вопрос, копаясь в ворохах томограмм, результатах разных обследований, историй болезни... Скурпулёзно анализировал всё что только можно: биохимию, морфологию, гистологию, наследственность... Всё было тщетно, я не находил никакой системы, никакого ключа, пока внезапно ко мне не пришла поразительная догадка: ответ следует искать не в сфере материи, а в сфере духа! Что я знал о душе своих подопечных, об их личности? Да почти ничего! А может быть, как раз в этом и кроется ответ на мой вопрос?

Идея эта меня вдохновила. Идея эта меня обрадовала. И сама по себе, и вот ещё по какой причине. Существует надежда, что когда-нибудь мы научимся выращивать нервную ткань, из стволовых клеток, и замещать ей место, вызванного

травмой, перерыва спинного мозга. Но когда это ещё будет, через сколько десятилетий? И я бы рад участвовать в этой работе, но как? В моей Республике таких исследований не ведётся. Навряд ли они ведутся и в раздавленной девяностыми России, где наука теперь никому не нужна. В Европе-Америке? Кто ж меня туда пустит? Я же не учёный с мировым уровнем, я — рядовой вчерашний студент. Да и сам я туда не очень то и хочу... Но если ответ, действительно, лежит в области духа, то свои исследования я могу проводить самостоятельно. Мне не нужны ни научные лаборатории, ни штат сотрудников. Мне не нужно никакое финансирование со стороны!

Я закопался в труды по психологии, психиатрии и психотерапии, ибо то, что давалось по этим предметам в моей «альма матер» оказалось явно недостаточным для того, чтобы разобраться с тем, с чем мне было нужно.

К тому времени я уже окончил институт, а после, прошёл интернатуру, на базе неврологического отделения центральной городской больницы, куда меня и приняли на работу. Место престижное. Помогли мой почти красный диплом и хорошие рекомендации коллег и преподавателей. При отделении был кабинет реабилитации спинальных больных. Естественно, что я напросился туда, и мне не отказали. Теперь,

необходимым для работы «материалом», я обеспечен с избытком.

Возясь со своими больными, я много беседовал с ними, как психолог, как врач, лечащий душу. Понемногу начинало приоткрываться мне их «Я», то, как устроено оно, и почему. Я узнавал об их детстве, об опыте жизни, о том во что они верят и каким видят этот мир, других, себя. Вместе искали мы, скрытые в подсознании внутренние противоречия и тайные мотивы. Ведь, может быть и так, что человек, сам того не сознавая, считает себя виноватым за что-то, и своё нынешнее положение рассматривает, как заслуженное наказание. И тогда нервная ткань его мозга отказывается восстанавливаться. Или, бывает такое, что человек боится чего-то, или жизни в целом, и тогда его инвалидность становится для него тихой гаванью, защищающей от жизненных бурь. И если это так, то лечение не помогает, упражнения не приносят плодов.

Когда я стал сочетать тренировки по Дикулю-Эриксону с таким вот лечением души, дела пошли лучше, но не намного. Зато, я уже не сомневался, что стою на верном пути. Но чего-то, основного и главного не хватало.

И вот, как-то в руки мне попала брошюрка из серии общества «Знание», датированная 90-м годом. Там рассказывалось о сеансах

американского психиатра — доктора Грофа, которые он проводил в Москве. Это была какая-то мистика, волшебство. Люди на этих сеансах входили в состояние некоего транса, и с ними происходило такое! Они перемещались в своих переживаниях в иные миры и реальности. Путешествовали по другим странам, другим эпохам, другим планетам, по всему космосу. Могли ощутить себя животным, например, оказаться в шкуре ягуара или стать китом, рассекающим глубины океана. Попадали в миры шаманских духов и древнеегипетских богов. Заново переживали момент своего рождения и видели свои прошлые жизни. Достигались эти необычные состояния посредством особой техники дыхания и специальной, вызывающей состояние транса музыки. После сеансов менялось мировоззрение, прошедших их людей. Они обретали новый взгляд на себя и на природу вселенной. Отчаявшиеся и разочарованные, бредущие по жизни без смысла и цели, порой заново находили себя, и их бытие становилось осмысленным и цельным. Многие душевные и физические недуги, если и не излечивались полностью, то наступало значительное улучшение в их течении. Конечно же, меня страшно заинтересовала эта техника!

А через несколько месяцев к нам в город приехала женщина из Москвы, ученица доктора

Грофа, с такими же сеансами! О! Я был первым, кто записался к ней в группу! Я прошёл эти сеансы. Был я и в Райском саду, напоминающем картины Босха, только несравнимо более прекрасном, чем на них. Был я и чёртом, бьющимся в безумной дьявольской пляске посреди адского пламени. Был индийской танцовщицей, и некая светлая божественная энергия, переполнявшая моё тело, заставляла его совершать грациозно-пленительные движения ритуального танца, славящего Шиву. Было в моих переживаниях и немало того, что я однозначно определил для себя — это воспоминания о моих прошлых жизнях. Я не буду здесь писать об этом только потому, что писать пришлось бы очень много.

Что я вынес из этих сеансов? До них я был материалистом. Не то что бы до мозга костей, но скорее да, чем нет. Какие там прошлые жизни?! Я был уверен, что это придумали люди лишь для того, чтобы справиться со страхом неизбежной смерти, страхом полного **ничто**. Миф, сказки, «опиум для народа»! После пережитого мною в сеансах, я уже не мог быть столь категоричным в этом вопросе. Мои материалистические установки пошатнулись. Они не могут объяснить то, что происходит на этих сеансах. Как с точки зрения нынешней науки можно объяснить, например, то, что простая домохозяйка переживает на сеансе, во всех

подробностях, опыт участия в ритуале некой древней индейской культуры, о существовании которой знает лишь несколько учёных на всём белом свете, и её описания полностью совпадают с данными этих исследователей? Или как объяснить то, что человек, прошедший через опыт переживания прошлой жизни, приезжает в город, где, по его воспоминаниям, он проживал в явленном ему предыдущем воплощении (из своего воспоминания ему известно время его прошлой жизни, фамилия, имя, сословие, род занятий), наводит справки, и выясняется, что, да, жил здесь, именно столько лет (веков) назад, и именно этот человек! Наука не любит фактов, которые не может объяснить со своей устоявшейся точки зрения, поэтому предпочитает обходить эти факты молчанием. После сеансов в моём сознании произошёл переворот, суть которого кратко можно выразить так: мир Духа существует; он первичен; мир материи — его производное. Для кого-то это древняя истина, для кого-то — догма, для меня это стало живым открытием. А если это так, то болезни тела, болезни души, и вообще всё, что происходит с нами неприятного — это изначально болезни Духа, или средство исцеления от них. Так мне стали понятны идеи о том, что болезни и страдания, возможно, даются нам для того, чтобы мы что-то поняли, чему-то научились, что-то исправили...

Я взялся за труды доктора Грофа, благо к тому времени уже несколько его книг были изданы на русском. Я увидел, что это Учёный с большой буквы, человек, обладающий энциклопедическими знаниями в самых разных науках: медицине, психологии, квантовой физике, философии, религоведении, истории... Все его идеи строго опираются на факты, и потому научное сообщество не может придать их анафеме, и вынуждено с ними считаться, хотя идеи эти — вызов и крамола для современной науки, уже потому, что подразумевают существование Создателя. Сам Гроф объясняет явления, происходящие на его сеансах, принципом голограммы. Вот пластинка — голографическая фотография. Если осветить её лазерным лучом, мы увидим на экране объёмное изображение того, что на ней сфотографировано. Если эту пластинку разбить на множество осколков и любой из них снова осветить лазером, то мы снова увидим на экране то же самое изображение! Это значит, что любой из этих осколков несёт в себе информацию обо всей пластине. Возможно, предполагает учёный, что так же устроен и наш мозг. Он хранит в себе информацию обо всей Вселенной, о том, что было, есть и будет, и сам является этой информацией. Всё это соответствует тому, что разными словами и разными языками, в той или иной степени, говорилось в любой

известной человечеству религии: универсум — есть порождение Единого Сознания.

В работах Грофа я натолкнулся на одно интересное для меня место, где доктор описывает лечение одного из своих пациентов, страдающего от хронических болей в ключице, которые ничем не снимались. На первом сеансе у Грофа, к пациенту пришло переживание воспоминания из детства. Он, играя с другом на стройке, залез в какую-то ветхую, полузасыпанную землёй трубу. Внезапно грунт осел, трубу сдавило, а вместе с ней и тело мальчишки. Он чуть не погиб тогда. Особенно пострадала область ключицы. В сеансе он заново пережил весь ужас и боль этого события. После сеанса страдания заметно ослабли. На втором сеансе он прожил опыт собственного рождения. Роды были сложными, и акушеру пришлось использовать щипцы, в результате чего у новорождённого была сломана ключица. (Пациент потом поднял архивы того роддома; всё, действительно, так и было.) После этого сеанса боли уменьшились ещё больше, но всё же не прошли полностью. На третьем сеансе к пациенту пришло, как он уверен, переживание из прошлой жизни. Он рыцарь и участвует в турнире. Его противник обнажил меч и нанёс удар, разрубив доспехи и ключицу. Пациент-рыцарь умер, обливаясь кровью и испытывая невыносимую боль.

После этого сеанса боли прошли полностью и больше никогда не возвращались.

Меня осенило: а не связано ли упорное нежелание спинного мозга моих больных восстанавливаться, с чем-то подобным? Надо применить к ним технику Грофа! Засучив рукава, я взялся за дело.

Сразу стало возникать множество сложностей. Техника предполагает довольно интенсивное дыхание, а многие пациенты были для этого слишком слабы. Некоторые не понимали самой идеи, проводимые с ними процедуры, считали шарлатанством, и потому отказывались участвовать в программе. Сами сеансы по Грофу, занятие очень шумное: специальная музыка должна играть громко, проходящий процедуру человек должен выплёскивать наружу весь негатив, приходящий к нему во время сеанса — громко кричать, рыдать, выть... а это едва ли уместно для больничных покоев... Другие больные отделения начали жаловаться. Руководству больницы всё это не нравилось, да и метод казался им, более чем странным. Кончилось всё это тем, что в один прекрасный день главврач вызвал меня к себе на ковёр и сказал: «Ты у нас новатор. Молодец. Ценю. Но ты меру то знай! Шаманство устроил! В отделении вой, вопли, как будто мы не в нормальной больнице работаем, а в дурдоме. Ты

так всех больных распугаешь. Но может быть ещё хуже. Вот решат ещё, что это секта террористическая какая, капнут куда надо, и всех нас пересажают на хрен! А меня первого. Так что, ты давай прекращай с этим делом. Новаторствуй по-тихому».

Главный был прав. И в отношении своего опасения тоже. В стране жёсткий режим. Любой намёк на недовольство властью приравнивается к государственному преступлению и жестоко карается. Любая не совсем понятная деятельность приравнивается к террористической и карается ещё более жестоко. Такова политика Президента. Кто-то считает его тираном покруче Сталина и люто, но очень тихо ненавидит. Говорят, что при Сталине, хоть простые люди хорошо жили, а здесь народ беднеет и бежит из страны. Драпают даже коренная нация — кто побогаче — насовсем, кто победнее — в гастрабайтеры. Другие считают, что Президент прав. Что так и надо, потому-что, если отпустить гайки, начнётся война, резня, голод и мы получим второй Афганистан. А я не знаю, что правильно. Далёк я от политики. Я просто знаю, что то, что происходит, мешает мне нормально жить и нормально работать. /Вот поэтому я и решил не называть страну и город, из которого прибыл Сергей. У него там остались мать, несколько друзей, добрые знакомые, учителя. Вдруг его

записи когда-то будут опубликованы и станут известны многим, в том числе и в его Республике? У него могут возникнуть проблемы, если он захочет навестить своих близких или, по каким-то причинам, вернётся на родину. А. Б./.

Пришлось передислоцировать место проведения сеансов к себе на квартиру. Нелегко было поднимать моих неходячих больных на пятый этаж без лифта. Но всё же находились люди, и немало, которые готовы были пойти на что угодно, на любые странные и мучительные процедуры, лишь бы зацепиться за призрачный шанс снова начать чувствовать и двигаться, а их близкие были готовы поднимать их, хоть на сотый этаж, по нескольку раз в день. Так я жил тогда: до трёх дня — скромный невропатолог в больнице, после трёх, и, порою, до глубокой ночи — шаман в своей квартире.

Результаты лечения улучшились. Без сомнения. Но всё же, это было очень далеко от того, что ожидалось мною. Я наивно надеялся, что мои подопечные будут все как один развязывать свои «кармические узлы», «очищаться», наподобие грофовского пациента с болью в ключице. Но не тут то было. Такое происходило очень редко. Но уж если происходило, то прогресс был поразительный.

А потом, **я создал Действие SKY** /в тексте так и было написано — с латинским большим D. А.

Б./ Вернее, оно само пришло ко мне, как озарение, как дар свыше. Оно упало на меня, словно кирпич на голову. / Поразительно, я тоже подумал о булгаковском кирпиче, когда нашёл блокнот. А. Б./

Это Действие позволяет понять всю взаимосвязь причин и следствий, постигнуть, что всё — неслучайно. Неважно, выиграл ли ты миллион или сломал позвоночник, произошло это почему-то, и для чего-то, но это знание всегда скрыто от нас. Вселенная, Господь говорит нам об этом, но язык этот непонятен нам, мы слепы и глухи ко знакам и намёкам, и эволюция нашего духа включает в себя развитие способности понимать этот язык. Сколько же жизней может потребоваться для этого! Но возможность понимать этот язык есть у каждого из нас. Всегда. Просто мы не знаем, не можем, не хотим ей воспользоваться. Действие SKY способно сделать нас во сто крат восприимчивей к этой возможности. Вселенная — это бесконечно огромный экспериментирующий мозг, безбрежный океан живого творческого Сознания, которое ведёт невероятно красивую, необычайно увлекательную Игру. Божественную Игру. Но игра эта ведётся по правилам. Действие SKY позволяет постичь некоторые из этих правил. Так, к примеру, вы можете узнать, почему вы поломали себе хребет, какие ваши поступки и выборы, возможно ещё в вереницах прошлых

жизней, привели вас к этому. Но самое главное, вы можете понять, что вам следует делать сейчас, чтобы исправить нарушенное вами. Ведь у каждого из нас есть своя роль в этой игре, и если мы её исполняем — мы счастливы. Если вы поняли, что вы нарушили, поняли что нужно сделать для исправления, и сделали это — вы выздоровеете, если, конечно, ваше выздоровление не будет являться новым нарушением правил игры. Идея не нова, но Действие SKY, делает её реально работающей.

Ответ на вопрос найден. Я начал использовать Действие SKY. Первое же применение его, позволило мне за четыре с половиной месяца поставить на ноги девушку с безнадежно разрушенным травмой спинным мозгом. Невероятно! Но оказалось, что использование Действия требует очень большого искусства, опыта и знаний, которых у меня нет. Ещё нет. Остаётся много-много неясного. Нужны исследования, практика, статистика. К тому же, если травма произошла более чем полгода назад, у человека руки и ноги застывают в скрюченной неподвижности, мышцы начинают превращаться в каменный хрящ. Нужна реабилитация — массаж, физиотерапия, электростимуляция, тренажёры. Короче говоря, мне нужен лечебно-исследовательский центр. Мне он просто

необходим.

При нашем отделении неврологии есть институтская кафедра. Заведовал ею профессор Кадыров. Я направился к нему с первоначальными снимками чудесно исцелившейся пациентки, показал их и спросил:

— Кадыр Абдуллаевич, как вы считаете, какой здесь прогноз?

— Пожизненная инвалидность, ответил профессор.

Я завёл к нему свою пациентку, стоявшую до этого за дверями профессорского кабинета, и вручил ему другую пачку снимков, сделанных после моего лечения.

Профессор долго морщил лоб, а затем проинёс:

— Ну, наверное, первоначальные снимки сделаны некачественно. Сам знаешь, с хорошими спецами по томографии у нас напряжёнка. Не умеют люди с оборудованием обращаться, технику правильно настраивать.

— А если нет там ошибки, Кадыр Абдуллаевич?

— А ты докажи, дорогой.

— Да вот я и хочу. Мне центр нужен. Свой центр.

— Иээй, послушай, Серёжа. Слышал я о твоих экспериментах. Ты молодец, побольше бы таких,

как ты. Но методы твои очень пока непривычные будут. Трудновато пробить будет. Господдержку не смогу я тебе сделать. Попробуй поискать спонсоров. Дерзай, дорогой. Если совет какой нужен, всегда помогу тебе. Большое уважение у меня к тебе есть, Сергей.

Это и было последней каплей. Мы с Мариной и так всё больше склонялись к мысли о переезде. Теперь сомнений больше не было — надо ехать.

Мне необходимо быть ближе к научным центрам. В провинции дело своё я не продвину. Новосибирск? Там один из сильнейших в России мединституты. Марина наотрез отказывалась ехать в Сибирь. Москва? Там люди, ну совсем не наши, злые. Остаётся только Питер. И это последняя причина, почему я, именно здесь.

Мы продали нашу квартиру за 15000 долларов. Я выписался, получил листок убытия. Мы взяли книги и тёплые вещи. Купили два авиабилета до Питера, и вот мы здесь.

Мои цели. Законно открыть свою частную практику. Заработать начальный капитал. (По множеству причин, которые я не хочу здесь описывать, сделать это в моей Республике, для меня, было практически нереально. Скажу только, что для этого у нас нужны влиятельные связи и большие взятки. Таких связей у меня нет, а денег на взятки мне в Республике не заработать и за всю

жизнь.) Расшириться до небольшого частного медцентра, применять и дорабатывать свой метод, набирая количество излеченных пациентов, чтобы было, что продемонстрировать научной общественности. Привлечь интерес к своему методу, привлечь финансирование, создать крупный центр, и сделать, чёрт возьми, что-то полезное для человечества в глобальном масштабе. Также я хочу взять ипотеку и жить с Мариной в этом прекрасном городе Питер, на своей исторической родине, долго и счастливо.

Мы остановились на квартире у моего дяди, на улице Маяковского. Завтра отправляемся на поиски съёмного жилья. А сейчас пора спать.

Глава 2

Утром мы взяли газету и две sim-карты. Сделали несколько звонков, везде попали на посредников. Везде нам сказали, что заявленная квартира уже сдана, и что в течении двух-трёх дней нам перезвонят и предложат другие варианты. Цены нас неприятно удивили: от 7500 руб в месяц за однушку. По моим расчётам, должно было быть дешевле.

Но начало положено, остаётся ждать звонков от риелторов. Мы же отправляемся гулять по Питеру. Нам от Маяковского до Невского рукой

подать — всего пара кварталов. Потому идём пешком. И по Невскому к Дворцовой площади — тоже пешком, мимо Гостиного двора, мимо разбросавшего огромные крылья-руки Казанского собора, через Фонтанку, Грибоедовский, Мойку; чтобы надышаться этим воздухом, который всегда приводил меня в трепет, чтобы снова почувствовать под ногами эту Землю, такую древнюю и такую новую, чтобы неспешно вобрать в себя всё, что видят глаза.

— Смотри, Маринка! Нет, ты только представь! Некоторым из этих домов больше, чем двести лет! Сколько поколений жильцов здесь сменилось! Здесь жили придворные Екатерины, дворяне, русские офицеры, великие архитекторы, великие композиторы... Здесь каждый камень дышит историей. Ты только подумай, многие из камней видели Пушкина, Достоевского, русских царей, Императрицу, а некоторые и самого Петра! Правда, я слышал, что от петровского Петербурга мало, что осталось, но я чувствую, что эти камни здесь есть, и они смотрят сейчас на нас, как триста лет назад смотрели на него. По тротуару, по которому мы с тобой идём, Маринка, ходил Цой. Ходили, ходят, Гребенщиков, Шевчук, Бутусов. Мы живём с ними в одном городе, дышим одним воздухом. Невероятно! У меня в голове всё это не укладывается!

— Знаешь, — отвечала Марина, — а я сейчас подумала, что сами то питерцы, наверное, наши восторги не разделят. Привыкли они ко всему этому и не замечают этой красоты вокруг, не чувствуют истории на этих камнях, не восторгаются от того, что дышат одним воздухом с легендами рока. Наверное, всё это для них, совершенно буднично. А вот окажись они, скажем, в Риме, вот тогда бы они ахали.

— А ведь, похоже, ты права, сказал я, — приобнимая её за плечи, в таком случае — несчастные они люди!

Над нами проплывала перина облаков с окошками-колодцами лазурного неба. Справа осталась Дворцовая площадь. Мы вышли к Неве, ступили на Дворцовый мост, неспешно прошли мимо Биржи с Ростральными колоннами, снова перешли через Неву по Биржевому мосту, и оказались в Петроградской стороне. Там мы нашли уютное кафе, под названием «Петроградский буфет», заказали кофе и бутерброды с сёмгой. Ох, и вкусными были эти бутерброды! Окончив трапезу, я откинулся на спинку кресла и закурил. Какое это удовольствие затануться сигаретой, отхлёбывая горячий густой ароматный кофе! И тут я почувствовал, что меня снова накрывает...

Эти видения... Или, как их ещё назвать?

Началось это, примерно, пол года назад,

может быть, чуть раньше. Я абсолютно уверен, что это как то связано с Действием SKY. Не знаю как, но эта связь для меня очевидна. Эти видения, в тот момент, когда они только начинают приходить, сопровождаются, особым, совершенно не поддающимся описанию, ощущением. В нём присутствует и тревога, и восторг, и какое-то сладостное щемящее чувство, какое-то томление... Но это всё не то. Короче говоря, я не могу этого описать! То же самое я чувствовал, когда ко мне впервые пришло **моё** Действие SKY. /Мне показалось странным, что Сергей, так подробно описавший предысторию своего переезда в Питер, так скуп в описании этого своего «Действия Скай». Он ничего не пишет о том, что это за действие, как оно к нему пришло, и в чём, собственно, оно состоит. А. Б./.

Через несколько мгновений это странное ощущение проходит, и ты начинаешь Видеть. Сначала это были какие-то мимолётные картинки, образы, которые видишь перед тем, как заснуть ночью. Потом эти образы начали приходить ко мне и днём, постепенно превращаясь в короткометражные фильмы. Будучи человеком «испорченным медицинским образованием», я решил: а вдруг это какая-нибудь височная эпилепсия? Я встревожился и побежал делать электроэнцефалограмму. Исследование показало,

что нет и намёка на эпилептическую активность, мой мозг совершенно здоров.

Тем временем, фильмы стали трансформироваться в нечто большее. Я стал не просто видеть какие-то сцены, я стал превращаться в их участника, причём очень необычным образом. Я видел человека, участника событий моих видений, со стороны, и одновременно я становился им самим. Я видел то, что видит он его глазами. Я чувствовал то, что он чувствовал. Наконец, я думал его мыслями! Я был и им, и собой.

Что это? Шизофрения? При некоторых формах этой болезни случается состояние, которое психиатры окрестили «онейроид», сон наяву. Это когда человек пребывает одновременно в двух реальностях: всеми разделяемой, и своей собственной, подчас, весьма фантастической. Например, он может ощущать и видеть себя членом команды звездолёта, совершающего опасное межзвёздное путешествие, кувыркаясь в полной невесомости, и при этом осознавать, что сейчас он находится в психиатрической больнице и беседовать со своим лечащим врачом.

Но находясь в состоянии онейроида, человек не может по своей воле прервать свои видения, я же могу сделать это без труда в любой момент времени. К тому же при шизофрении, кроме онейроида, всегда наблюдается и масса других

симптомов, а также всегда происходят особые, свойственные только для шизофрении, изменения личности заболевшего. У меня же ни этих симптомов, ни личностных изменений не обнаруживается, ни мною, ни, что ещё более важно, окружающими, в числе которых немало и моих коллег, имеющих специальность «психиатр». И всё же я не поведал никому о своих видениях. О них не знают ни друзья, ни коллеги, ни даже Марина. В этом смысле я полностью одинок. Я с ними один на один.

Мало-помалу в моих «короткометражках» стала выкристаллизовываться одна общая тема. Какой-то военный, офицер. Не то десантник, не спецназовец. Я понял, что проживаю отдельные эпизоды его жизни. Но вот что самое удивительное: всё это происходит не то чтобы даже в другой стране, а похоже, на какой-то иной планете, которая очень похожа на нашу. Мой офицер жил в стране под названием «Истиправлия». Его страна находилась, уже около года, в состоянии войны с другой, соседней страной — «Твердышиной». Обе страны много веков входили в состав одной огромной империи — «Великоправли». Совсем недавно, по меркам истории, всего двадцать лет назад, произошёл какой-то социальный катаклизм, и империя распалась. После распада империи, две страны примкнули к разным военно-политическим

союзам. Твердышина к Южному Альянсу, объединению стран, ведомых государством-гигантом Грюнингеймом. Истиправлия — к Северному Союзу, объединению небольших, но сильных, в экономическом отношении стран. Два блока уже давно не помышляли о глобальной войне друг с другом, сгореть во всеобщем ядерном пожаре не хотелось никому. Но войны экономические, за ресурсы и сферы влияния велись довольно жёстко. Так, ранее Грюнингейм воевал с Великоправлью, и победил без единого выстрела, «задав» отчасти экономикой, отчасти идеологией. Великоправль развалилась, в буквальном смысле этого слова, но на сцену вышел новый игрок — Северный Союз, и всё началось сызнова. Страны, распавшейся, некогда богатой Великоправлии, по одиночке обнищали, и были теперь вынуждены просить помощи и покровительства у своих благополучных южных или северных соседей. Так, два когда-то братских народа Истиправлии и Твердышины, народа имеющего одно происхождение, одни корни, одну общую историю, оказались по разные стороны баррикад. Идеологи обеих стран находили всё больше различий, поднимали из глубины веков забытые взаимные обиды, а СМИ с удовольствием и смакованием, методично разносили это по умам обывателей. А тут ещё и спорные территории,

богатые нефтью. При Великоправли всё было общее, а теперь как? Догвориться не удалось. Началась война.

На нашей планете нет стран с такими названиями, по другому именовются и военные блоки. Значит, решил я, должно быть, всё это происходит не на нашей Земле. Но как всё похоже! Язык, на котором разговаривает мой офицер, очень напоминает эдакую «славянскую смесь» русского, польского и украинского. (Я не знаю этого языка, но в своих видениях, прекрасно понимаю его, как будто это мой родной язык.) Там такие же, как и у нас дома, улицы, машины. Разве что, марки у тамошних авто другие. Одежды людей из мира моих видений также неотличимы от наших. Форма у этого военного точь в точь, как у российских десантников: голубой берет, голубые полосы на тельняшке, голубые петлицы, и даже значок на этих петлицах — самолётик с двумя парашютами! И всё же, происходит это не на нашей планете. Но тогда, где? В моей голове? Но откуда оно туда попало? А главное, для чего?

В последнее время, это уже не короткометражки, не разрозненные сцены из жизни офицера истиправлийской армии. Теперь я вижу, вернее проживаю его жизнь, последовательно, отрезок за отрезком. Причём, если мой нынешний «сеанс» заканчивается на каком-то месте, то

следующий начинается именно с него. Так что, теперь это даже не фильм, а какой-то сериал.

И вот сейчас оно снова накатило — это странное, но уже ставшее привычным чувство. Значит, сейчас пойдут видения и я опять, на какое-то время, стану этим офицером. Но сейчас всё это не ко времени. Я с Мариной здесь, в кафе, и я не могу позволить себе уйти туда... Иногда бывает так, что в реальном времени проходят секунды, а в моих переживаниях — часы. Нынче не тот случай. Я чувствую, что это надолго и прерываю погружение. Прерванные усилием воли видения имеют свойство вскорости возобновляться. Я вернусь к своему офицеру сегодня ночью, когда Марина заснёт.

Утром было два звонка от риелторов. Поехали смотреть квартиры. Первая оказалась просто кошмаром. Такие квартиры называют «бабушкинными». Тесная, грязная, с допотопной разваливающимися мебелью, и что самое отвратительное, с затхлым старушечьим запахом. Вторая была, вроде бы ничего, но когда стали оформлять документы выяснилось, что хозяин квартиры вовсе не хозяин. Субаренда. Значит, пахнет лохотроном. Знаю, читали об этом в газете. От второй квартиры мы тоже отказались.

Вернулись домой в час дня. На улице лил противный холодный дождь, значит, экскурсии на

сегодня отменяются. Дядя с тётёй Элей на работе. Маринка засела за телевизор кликать кнопочками пульта. Поначалу, это так увлекательно — «прыгать» по местным каналам нового для тебя города. Значит, у меня есть целый день для того, чтобы заняться своим дневником.

Я буду писать об этом, свалившемся мне на голову, офицере спецназа. Буду писать о нём, писать о том, что являлось мне в видениях, странствиях в иных мирах, погружениях в другую жизнь. Назовите сие, как хотите. Скажу только, что в переживаниях этих мне трудно отличать себя от него. Чтобы не путаться, я буду писать о нём во втором лице, но, возможно, иногда буду сбиваться и ставить местоимения «я» или «мы», потому что, в этом состоянии, я знаю все его мысли, я переживаю все его чувства, я знаю всю его прошлую жизнь, как свою, и проживаю его нынешнюю жизнь, как собственную.

Кое-что я буду менять в своём описании. Например, в том мире, где живёт мой офицер, длину, протяжённость измеряют в «мерах» и «промерах». Я не буду использовать этих слов. Я понял, что они соответствуют нашим «метрам» и «километрам». Некоторые другие, привычные нам понятия, в их мире тоже именуются по-другому. Я же буду обозначать их соответствующими, знакомыми русскому человеку словами.

Маринка продолжает забавляться пультом от телевизора, прыгая с канала на канал. Я же, Сергей Александров, тридцати трёх лет от роду, лежу на старом диванчике в дядиной квартире, подложив под голову огромную махровую подушку. На коленях у меня жирный чёрный блокнот, а в пальцах зажата шариковая ручка...

Глава 3

Капитан Алтай

К парадному фасаду помпезного здания, венчавшего просторную площадь, подъехал чёрный автомобиль с правительственными номерами. Из него вышел человек в ладно сидящей парадной форме офицера воздушно-десантных войск. Быстро поднялся по гранитным ступеням широченного крыльца, потянул на себя громоздкую резную дверь из красного дерева, и вошёл внутрь. Сбоку от входных дверей, в золочённой раме, красовалась алая табличка с гербом и надписью «Министерство обороны Республики Истиправлия». Человек подошёл к турникету, представился дежурному офицеру, и отдал свои документы. Дежурный долго их рассматривал, затем куда-то звонил по внутренней связи. Наконец, он вернул документы и

сказал: «Второй этаж. Направо. Вторая дверь. Заместитель министра обороны ожидает вас».

«Заместитель министра обороны **ожидает** меня. Круто звучит!» — подумал человек, и направился через министерский холл к лестнице, ведущей на второй этаж.

Сделав, как положено по уставу, три строевых шага по ковру кабинета высокого начальника, человек взял под козырёк и отрапортовал: «Товарищ генерал-полковник, капитан Дранга по Вашему приказанию прибыл».

— Вольно! — скомандовал зам министра.

Зам министра был таким, каким и положено быть заму министра обороны — большим, грузным дядькой грозного вида в летах.

— Таак, значит, капитан Дранга, Алтай Зориевич? — спросил он прищурившись.

— Так точно, товарищ генерал-полковник.

— Ну, присаживайся, капитан. И ты, Горень Михыч, тоже присаживайся, — сказал он худощавому полковнику, стоящему справа от его кресла.

— Мне докладывали, капитан, что у тебя позывной, такой же, как имя твоё — Алтай.

— Так точно.

— Ну, так будешь ты у меня капитаном Алтаем!

— Есть, товарищ генерал-полковник.

— А скажи-ка мне, бывал ли когда-нибудь в минобороны?

— Никак нет.

— А не удивлён, что позвали?

— Ещё как удивлён, товарищ генерал-полковник, когда доложили, то думал сначала, что шутка какая-то.

— Ты у нас, капитан, командир первой разведроты отряда специального назначения. Так?

— Так точно, товарищ генерал-полковник.

— Вот эксперты наши репы почесали, — продолжал зам министра, — и доложили мне, что подразделение твоё лучшее, и сам ты командир, вроде как лучший. У тебя в роте все контрактники, даже на должностях рядовых стрелков сержанты, прапорщики, а то и литёхи. Элита элит, блин!

— Спасибо, товарищ генерал-полковник.

— Спасибо, сынок, это я тебе скажу, и Родина скажет, после того как боевую задачу со своими орлами выполнишь. Дело есть, Алтай, стратегической важности. От этого исход войны зависеть будет. Ни больше, ни меньше. Дело для тебя и орлов твоих. Что такое Хокум-52 слышал?

— Штурмовой вертолёт грюнингеймский новейший.

— И что за вертолёт такой?

— Очень быстрый, очень манёвренный. Вооружение: управляемые противотанковые ракеты

«Торнадо», но можно ставить и наши «Вихрь». Управляемые ракеты класса воздух-воздух «Кондор», но можно ставить нашу «Иглу». Тридцатимиллиметровая пушка, блоки неуправляемых ракет, авиабомбы, кассетные боеприпасы...

— Вероятность поражения цели первой очередью из десяти снарядов, составляет сто процентов, — прервал генерал, — скорость до шестисот км/ч. Может лететь боком со скоростью пятьдесят, назад со скоростью девяносто. Благодаря этому способен делать «мёртвую петлю». Ни один вертолёт в мире этого не может. Но чёрт с ней, с этой петлёй, понты одни. Хуже то, что он выполняет манёвр «воронка», — кружится носом вперёд, по кругу и расхерячивает всё на хрен, а ты его ничем достать не можешь, потому-что крутится очень быстро, прицелиться не даёт. Не взять его в ближнем бою. А в дальнем — тем более. Система выживаемости убойная. Двигатели расположены по краям друг от друга и полностью исключают вероятность их одновременного поражения ракетой. Экранно-выхлопные устройства на двигателях наворченные так, что ракета его не видит ни хрена, холодный он. /Зенитные ракеты наводятся на тепло двигателя — инфракрасное излучение. Если его нет, ракета в цель не попадёт. А. Б. / Но самое

поганое, капитан, что на нём стоит какая-то суперсекретная система дальнего обнаружения целей. В радиусе двадцати кмэ видит всё: танк, блиндаж, орудие, бункер, да хоть пулемётный расчёт! Не спрячешься. А вот теперь представь. Дальность ракетного поражения Хокума двенадцать кмэ. Он обнаруживает цель — танк, БТР, зенитку, солдатику с ПЗРК и бьёт ракетой. / ПЗРК — переносной зенитный ракетный комплекс. Это небольшая зенитная установка, которую солдат переносит на плече, и с её помощью сбивает вражеские самолёты и вертолёты. А. Б./ А самого Хокума на таком расстоянии обнаружить ещё не возможно. Он практически неуязвим. Вот такая падла.

А теперь, капитан, держись за стул, чтоб не упасть. Твердышина закупила у Грюнингейма двенадцать таких. Почему Грюнинкоты так расщедрились, что сверхсекретную технику стали продавать? Так это ж ясно. Что-то более продвинутое уже сляпали. Вот и решили поддержать своих друзей новоявленных, гниды. Десять таких вертолётов могут остановить целую армию! А у врага их двенадцать! Когда они введут их в бой, чуешь, чем это пахнет, капитан? Но есть и хорошие новости. Твердышина вбухала в покупку Хокумов весь свой бюджет, они себя обескровили. Они сыграли ва-банк. Они всё поставили на эту

карту. И если мы её побьём, мы их раздавим.

Далее. Наша разведка установила предположительный район дислокации Хокумов — секретный, отлично замаскированный аэродром в глубоком тылу противника. И мы точно знаем, что противник не знает, что мы их засекли.

Капитан Дранга, я ставлю Вашему подразделению боевую задачу. Десантироваться в тыл противника, скрытно выдвинуться к объекту, и уничтожить все двенадцать вертолётов Хокум-52 противника.

Дранга встал и вытянулся по стойке «смирно», — Есть!

— Вольно! Успех этой операции, — продолжил генерал, — это победа в войне, а неуспех — поражение. Ты понимаешь какая ответственность на тебе, сынок?

— Так точно.

— Не справишься — Родину погубишь. Справишься — Родину спасёшь, героем станешь. А вернёшься живым, к тому же, — через несколько ступенек в карьере прыгнешь, не будешь уже с автоматом по горам прыгать.

— А я люблю, товарищ генерал-полковник, с автоматом по горам прыгать.

— Да знаю... Но вот прикажу тебе быть большим начальником, и никуда не денешься, станешь. А я прикажу, если с выполненной задачей

живым вернешься.

Алтай, а дети-то у тебя есть?

— Нет пока. Но мы с женой планируем. Вот только война кончится...

— Хочешь, чтобы они жили богато и счастливо в процветающей стране?

— Да кто же этого не хочет?

— Тогда постарайся, браток, всё сделать как надо.

— Есть постараться, товарищ генерал-полковник!

— Алтай, времени у тебя в обрез. Они сейчас, похоже, обучают своих пилотов. Летают, видимо, по ночам, чтоб мы их не рассекретили. Когда закончат с этим и введут в бой точно не известно, но, судя по всему, очень скоро. Счёт идёт на дни, если не на часы. Так что, приступаешь немедленно.

Зам министра встал, капитан и сухощавый полковник соскочили со стульев вслед за ним.

— Капитан Дранго, Вы и Ваше подразделение, на время проведения операции, поступаете в распоряжение полковника главного разведывательного управления, Могуча Горень Михеивича. На время проведения операции, он ваш непосредственный начальник. Вы подчиняетесь только его приказам. Полковник Могуч подробно доведёт до Вас боевую задачу, план и детали операции. Выделит вашему подразделению

дополнительные силы и средства.

Выполняйте!

Через пять минут Алтай был в кабинете полковника Могуча, в другом крыле здания Минобороны. Там уже находилось с десятков офицеров. Были ГРУшники, зам начальника штаба ВДВ, командир отдельного отряда специального назначения, в который входила рота Алтая, — полковник Старко. Был даже один генерал военно-воздушных сил.

— Группа командования операцией, — отрекомендовал собравшихся Могуч. — Своего старшего командира, полковника Старко, вы знаете, капитан, остальных я представляю.

После представления, полковник Могуч пригласил всех к столу и развернул на нём большую крупномасштабную карту.

— Предположительное место размещения секретного аэродрома здесь, — показал он на карте, — в тридцати шести километрах к юго-востоку от посёлка «Горка». А район высадки десанта у нас тут, в ущелье реки «Окунь». После десантирования подразделение капитана Дранго будет двигаться по ущелью вдоль реки сначала на юг, потом на восток, до посёлка «Охра». Дорог там нет, но ущелье широкое, техника должна пройти. Затем, дождавшись ночи, продолжит движение по просёлочной дороге на юго-восток, до села

«Горка». Оттуда, пройдя по дороге десять километров, вот здесь, уйти с дороги влево, на восток. И используя маскирующие свойства местности, а местность там холмистая, скрытно выдвинуться по дуге с востока на юг, на максимальное приближение к объекту. Далее организовать разведку объекта. Выявить систему охраны, силы и средства, привлечённые для обороны объекта, и если удастся, определить находятся ли там Хокумы. А если не удастся определить это скрытно, путём наблюдения, то атаковать объект и провести разведку боем. При обнаружении на объекте вертолётов Хокум-52, все машины уничтожить.

— Как видите, товарищ капитан, — продолжил Могуч, — задача у нас со многими неизвестными. Мы не знаем точно, есть ли на объекте Хокумы, но восемьдесят процентов вероятности, что они именно там, я вам дать могу. Мы не знаем как, какими силами охраняется объект, но предполагаем, что силами не меньшими, чем спецбатальон внутренних войск, имеющий бронетехнику и артиллерию. Мы не знаем насколько и как укреплён объект в инженерном отношении. Знаем только, что в ста пятидесяти километрах к югу от объекта базируется резервный мотострелковый полк противника, и через три-четыре часа после начала вашей атаки, он будет на

объекте в полном составе. Так что действовать надо будет очень быстро.

— Вот вы можете спросить, товарищи офицеры, — обратился Могуч ко всем присутствующим, — а почему бы разведгруппе Дранго просто не подтвердить местонахождение Хокумов, сообщить точные координаты, после чего, по объекту будет нанесён ракетно-бомбовый удар? Отвечу. Есть два «но». Первое. Вертолёты, скорее всего, находятся в укреплённых бункерах. Второе. На защите объекта сосредоточено просто сумашедшее количество средств ПВО. Кстати, так мы их и вычислили. Спрашивается, зачем так защищать участок в безлюдной степи? Так что, ракетно-бомбовый удар по объекту будет неэффективным. А посему-поэтому у нас одна надежда — на умелые диверсионные действия Вашей роты, Алтай Зориевич, — сказал полковник, и пристально посмотрел на Дранго.

— Продолжим решение нашего уравнения. Мы не знаем с какими силами противника придётся вам столкнуться, капитан. Не знаем, как противник будет вооружён, поэтому мы максимально усилим Вашу роту, и будем комбинировать. Вы, товарищ капитан, у нас командуете пешей разведротой. Поддержки авиацией в тылу у вас, сами понимаете, не будет, а противник будет хорошо вооружён и укреплён. Район высадки, от объекта на расстоянии

сто пятьдесят километров, да и после придётся много и быстро перемещаться, перевозить вооружение, боеприпасы, провизию, раненных. Поэтому вам понадобится бронетехника и транспорт. Для этих целей усиливаем вас четырьмя БМД-2, двумя БТР-Д и выдадим вам 8 ТПК. / БМД — боевая машина десанта, вмещает 7 десантников, вооружена 30-ти миллиметровой пушкой, тремя пулемётами, противотанковыми управляемыми ракетами ПТУР. БТР-Д — бронетранспортёр десантный, предназначен для перевозки личного состава, вооружения и боеприпасов, вмещает 13 человек; вооружение — 2 пулемёта. ТПК — транспортёр переднего края, маленькая, маневренная машинка, с очень хорошей проходимостью, которую используют десантники для перевозки вооружения, боеприпасов, раненых. ТПК, также как БМД и БТР, может плавать, преодолевая водные преграды. А.Б./ Из личного состава, соответственно, добавляем четырёх механиков-водителей БМД, четырёх наводчиков операторов орудий БМД, двух водителей БТР и восемь стрелков — водителей ТПК. Таким образом, прибавляется восемнадцать человек личного состава. Также, добавим к вашей роте зенитно-ракетное отделение, в составе шести человек, и инженерно-саперное, в составе четырёх бойцов. И вот вашему полку прибыло уже двадцать

восемь человек. Но и это ещё не всё. Офицер ГРУ, старший лейтенант Злато, Ивус Гранович, войдёт в штат управления вашей роты, будет отвечать за ведение спецразведки и координацию действий роты с ГРУ. Спецподготовка у него на уровне, не хуже любого из ваших ребят, капитан. Так что, прошу любить и жаловать. («Особист», — сразу окрестил его про себя Алтай.)

— Подведём итоги, — продолжил полковник Могуч, — состав вашей роты: три десантно-штурмовых взвода, миномётный взвод, противотанковое отделение, гранатомётное отделение, итого девяносто шесть человек личного состава. Усиление роты: зенитно-ракетное отделение, сапёрное отделение, четыре БМД, два БТР с приданным личным составом, да старший лейтенант Злато. Получается: твоих — 96, добавилось — 29, итого 125 бойцов в Вашем распоряжении, Алтай Зориевич. Кстати, с приданным вам личным составом, Вы, скорее всего, знакомы. Они из вашего полка. Ваш командир отряда, полковник Старко, лично их отобрал, сказал: лучшие люди.

— Алтай, ты всех ребят знаешь. Выбородобришь. Уверен. — оттарабанил скорговоркой-пулемётными очередями командир полка спецназа. Он всегда так говорил, даже с женой и детьми, и Алтая это очень забавляло.

— Теперь о доставке десанта в район высадки, — снова взял слово руководитель операцией. — Доставка будет на вертолётках, десантирование производим посадочным способом. Скрытность здесь критически важна. Если обнаружат десант до начала атаки, то это будет провал. Для обеспечения скрытности нами предусмотрено следующее. Десантирование будет осуществляться с вертолётков Ми-26 (Военно-транспортный вертолёт-гигант. Способен принять на борт 70 десантников и 2 единицы бронетехники, например, 2 БМД) Для переброски группы потребуется шесть машин. Все машины пойдут одновременно, одним рейсом. Район ожидания /место где производится посадка десанта в вертолётки или самолёты. А.Б./ у нас здесь, — Могуч вновь ткнул карандашом в карту, — вертолётная площадка близ хутора Цагань. Отсюда вертолётки идут прямо на юг, к линии фронта. Здесь сразу же начинаются болота, огромные заболоченные пространства. Смотрите — с запада на восток, порядка ста двадцати километров, и с севера на юг, порядка восьмидесяти. Идём над болотами прямо на юг. Двадцать километров до госграницы, на момент начала военных действий. Дальше ещё тридцать, прямо на юг, до линии фронта, также над болотами. Здесь, на болотах, оборона организована широким фронтом. Да, что

там говорить, «организована»! Одно название. Никак там она не организована. Нет там никаких сил и средств, одни редкие дозорные, как с нашей стороны, так и с вражеской. Ни радаров, ни средств ПВО. Но бережёного бог бережёт, поэтому время вылета в 2.30. Пойдём по темноте, на высоте 15 метров. На высоте до пятнадцати метров радиолокатор не видит цели. Благо местность там равнинная. Продолжаем двигаться над территорией противника прямо на юг. Болота заканчиваются, — полковник водил карандашом по карте, — начинается лесостепь, мелкий кустарник, продолжаем бредущий слепой полёт, так, товарищ генерал? — Могуч взглянул на генерала ВВС.

Генерал кивнул. Могуч продолжил: — Так, в темноте, прижавшись к земле, мы движемся ещё восемьдесят километров. А дальше начинаются предгорья, и, значит, для бредущего полёта, нужна видимость. Но к этому моменту будет уже 3.30 утра, начинаются сумерки, появляется видимость, достаточная для пилотирования на предельно малой высоте над горной местностью. Я всё правильно говорю? — Могуч снова взглянул на генерала. Генерал опять молча кивнул.

— А ещё через пятнадцать километров начинаются горы, — Могуч склонился над картой, — Горы здесь высокие. Вершины выше пяти тысяч метров над уровнем моря, перевалы на

основном хребте — свыше четырёх тысяч. Вертолёты с полной загрузкой могут на них не забраться. Поэтому здесь мы сворачивем на юго-запад, и по ущелью Кунье, выходим на перевал Седло. Он один из самых низких в основном хребте — 3100 метров над уровнем моря. Переваливаливаем и возвращаемся на основной курс, на юг.

— Дополнительный расход горючего, которого и так впритык, — нервно заметил генерал авиации, и погрозил кому-то своим указательным пальцем-сарделькой.

— У Вас есть другие предложения, товарищ генерал? — спросил Могуч.

— Да продолжайте, полковник, — недовольно махнул рукой генерал.

— Теперь мы входим в ущелье Окунь и продвигаемся по нему ещё 12 километров на юг. Здесь ущелье расширяется, а вот тут имеется поляна, на которую может сесть машина класса Ни-26. Это и есть район высадки вашей группы, капитан.

Тут слово взял генерал.

— Капитан, слушай меня внимательно. Там может сесть только один вертолёт. Остальные на подлёте. Тебе сорок секунд на выгрузку каждой машины. Не больше! Один выгрузился, ушёл. Тут же подходит другой. Выгрузился, ушёл. Чтоб всё

как на конвейере было! У меня каждая секунда на счету. Каждая лишняя секунда — это расход топлива. Считать умеешь? Тогда считай. Дальность полёта Ни-26 при максимальной загрузке 475 километров, а загрузка четырёх машин из шести, будет максимальной. От района ожидания до района высадки 250 километров. А машинам после высадки назад лететь, над вражеской территорией. Ладно, дальность полёта порожнего Ни двадцать шестого — 800 километров, при полных баках. Но после того как мы вас высадим, баки у нас будут заполнены, в лучшем случае, на треть. Ты понимаешь, что этого едва хватит чтоб дотянуть до базы или, хотя бы, линию фронта пересечь? А ты в курсе, капитан, что эти шесть машин, это, практически, весь парк Ни двадцать шестых страны? Один в резерве и один в капремонте. И всё! А эти машины на вес золота. Я за каждую головой отвечаю. Так что, ты не подкачай, капитан, чтоб всё организовано было, и очень быстро!

— Не подкачаем, товарищ генерал-майор, — ответил Алтай.

Генерал несколько смягчился, — Капитан, в горах склоны нагреваются по-разному, это вызывает сильные боковые порывы ветра. Полёты вертолётов в горах — серьёзное испытание. Тем более, таких тяжёлых машин, как Ни-26. Тем более, идущих с полной загрузкой. Я выделил пилотов.

Все ребята — асы. Цвет нашей авиации. Я не могу ни одного такого парня потерять.

Все, отлично понимали, что генерал завелся не из-за предполагаемых задержек с высадкой, эти секунды едва ли могли что-то решать, а из-за того, что задача перед его лётчиками стояла запредельно сложная, риск — невероятный, последствия неудачи — катастрофические, ответственность — огромная, и вся она на нём.

— Товарищ генерал-майор! Ваши ребята асы, и мои тоже. Мы не то что за сорок секунд выгружались, мы и за двадцать успевали.

— Ну, добро...

— Товарищи офицеры! — снова взял бразды правления в свои руки Могуч. — Слава богу, языки, наш и противника, очень похожи. Любой истиправлянин легко говорит на твердышенском, и наоборот. Бывшие братские народы, так сказать... Вот как мы это используем в целях обеспечения скрытности операции. На вашу технику будут нанесены опознавательные знаки твердышенской армии. Хорошо для нас и то, что и техника у нас одинаковая. Как вы знаете, полно ещё чего с великоправлийских времён осталось. Да и сейчас, одни и те же модели выпускаются, что у нас, что у них. Правда, теперь у них грюнингеймская техника начинает появляться, но таковой ещё мало. Так что местное население, встретив вашу колонну, примет

её за колонну своих войск, и никуда «стучать» не станет. Ну а воякам ихним, вы уж на глаза, раньше времени, не попадайтесь, Алтай Зориевич. Форма на вашем подразделении будет, как обычно, — песочка. / «Песочка» — форма без знаков различия у спецназа. А.Б./ Теперь об организации связи. Эх, — ностальгически вздохнул полковник, — вот в наше время, для связи с центром радиостанцию Р-129 таскали с собой, а она 53 кило весила! То ли дело сейчас! Спутниковая связь. Радиостанция, как телефончик мобильный, ничего не весит... Обязательный сеанс связи, каждый день, в 14.00. Спутник над вами, конечно будет проходить чаще, несколько раз в сутки, но в целях минимизации перехвата переговоров противником, выходим на связь раз в сутки, и в особо экстренных случаях — дополнительный сеанс связи в 22.00. На связь с Вами, капитан Дранго, буду выходить только я, лично. Ваш позывной — «Алтай», мой — «Пещера». Вопросы есть?

— Никак нет, товарищ полковник.

— И последнее. Дальнейшие задачи роты и эвакуация. После обнаружения, разведки и уничтожения объекта, получите дальнейшие распоряжения. Либо получите указания о месте, времени и порядке эвакуации вашей группы, либо... Может быть, придётся провести рейд по глубоким тылам противника, склады там есть

поблизости. Будет видно по обстановке. А теперь, капитан Дранго, выдвигайтесь к своему подразделению, ставьте боевую задачу, организовывайте подготовку роты, отдавайте боевой приказ, ну, всё как положено, и — вперёд! У центрального входа Вас ждёт машина. Вопросы есть?

— Товарищ полковник, с женой можно попрощаться?

— Только по телефону, Алтай Зориевич. Вот вернётесь с победой, получите отпуск, тогда на милуетесь со своей ненаглядной. Слышал, красавица она у Вас. Ну а пока, только по телефону. Пять минут времени вам.

Алтай отошёл в конец коридора, уселся на массивный мраморный подконник, достал мобильник, пробежал пальцами по экрану. «Мои контакты», первым в которых стояло имя — «Алисия».

— Лисёнок, привет! Это я. Как дела твои?

— Алтушик, котик, ты домой скоро? — замурылкал приятный девичий голосок.

— Лисёнок... тут такое дело... ну... в общем, мне уехать надо. Вернусь через неделю-полторы. Командировка срочная.

— Алтай! Да что же это такое? — в голосе зазвучали ноты обиды, — ты всего полторы суток дома был после месяца отсутствия, и вот теперь

снова командировка! У меня есть муж, или нет его?

— Лисёнок, но ведь война идёт. Вот резервистов начали призывать, а я же кадровый военный! Ну ты же у меня умная, сама всё понимаешь. Хотя я бы на твоём месте, конечно, ещё бы не так взбесился... Но есть и хорошие новости. После командировки отпуск дают. Большой. Махнём с тобой в Приштину на озёра, снимем коттедж, ну, как ты хотела. Идёт? Всего неделька, и мы с тобой там. Вдвоём.

— Вот *чорт* хитрый! — обида в голосе стала нарочито-показной, за ней уже сквозила улыбка, — знаешь, чем умаслить!

— Ну, сама же говоришь, что я хороший психолог. А я не только психолог, я вообще — хороший!

— Ладно, не подлизывайся. Прощаю, последний раз тебя, бомжа, бродягу такого. Алтуш? А это не опасно? Ну, командировка эта твоя?

— Да что ты! Какой там опасность?! На сборы едем, резервистов готовить.

— Алтушик, ты береги себя там.

— Есть, себя беречь!

— Алтуша, я тебя люблю. Возвращайся, пожалуйста поскорее!

— Я тоже тебя люблю, Лисёнок. Целую во все места. Время быстро пройдёт. До встречи!

— Алтай, стой! У тебя же день рождения

послезавтра. Двадцать девять исполняется. Забыл? А как же теперь?..

— Вернусь, отпразднуем. Пока, Лисёнок!

Через один час двадцать пять минут Алтай, в сопровождении старлея-«особиста» Злато, уже был в расположении своей части, в ста с гаком километрах от столицы. Офицерский состав роты был собран и ожидал его в канцелярии. Впрочем, сказать «офицерский состав роты» в этом случае было бы не совсем верно. Рота Алтая была особенной, экспериментальной. Три года назад, командование решило создать элитную роту спецназа, собрать в ней самых лучших, самых подготовленных бойцов. Естественно, что таковыми оказались, в основном, десантники. Для попадания в Элитную роту были установлены жесточайшие условия отбора. Когда посмотрели на состав тех девяноста шести человек, которым удалось пройти отбор, то оказалось, что среди них очень мало рядовых-контрактников. В основном — сержанты, старшины, прапорщики и офицеры. Вот так и получилось, что в Элитной роте на сержантских и даже рядовых должностях, например, простого пулемётчика, оказались и некоторые офицеры. Такого в истиправлийской армии ещё не было. Да, похоже, не было и ни в одной другой армии. Но эксперимент быстро себя оправдал. Боеспособность роты оказалась

феноменальной. Ей удавалось решать, казалось, практически невыполнимые боевые задачи, неся при этом незначительные потери. Многие сочли бы за честь служить в ней, хоть ты и офицер, на должности рядового, потому что, если ты в Элитной роте — ты лучший. Да и государство свою элиту не обижало. После распада Великоправли, армии всех новоявленных стран — бывших субъектов Великоправлинской Федерации, влачили довольно жалкое существование. Позорно низкие зарплаты, необеспеченность семей военнослужащих жильём, утрата престижа профессии... Словом, нам, бывшим «совкам» всё это тоже хорошо известно. Но бойцы Элитной роты были редким исключением. Высокие оклады, собственное жильё, а у занимающих офицерские должности, даже квартиры в столице. Как будто бы новоявленное государство, с медленным скрипом, начало вспоминать древний афоризм: «Тот кто не кормит свою армию, скоро будет кормить армию врага».

Алтай был в Элитной роте с самого её основания. Сначала, в чине старшего лейтенанта, был командиром взвода, а два года назад принял командование ротой. При Командире-Алтае, именно так его прозвали бойцы, рота преобразилась. Преобразилась в смысле отношений между людьми. Там, в меру соблюдалась и

субординация, и вместе с тем, существовало то, что можно назвать простым, и в то же время, высокопарным словом — братство. Все чувствовали себя, вне зависимости от чина и должности, равными, членами одной классной командой. Все девяносто шесть бойцов были, если не друзьями, то уж надёжными товарищами точно. Согласитесь, редкое явление для современной армии. Командование ценило эту способность Алтая работать с людьми и правильно их подбирать. Среди старших командиров он даже заработал уважительную кличку — «психолог». Поэтому замену выбывшим из роты, по разным причинам (но в основном по причине смерти) бойцам, командование доверяло Алтаю лично.

Итак, когда Алтай с «особистом» вошли в канцелярию, там уже были все, назовём их так, офицерские должности роты, а также ротный старшина — старший прапорщик Горбуш. Ох и интересная была у него фамилия! Интересная тем, что была она такой же, как его имя — Горбуш Горбуш. Все шутили: «Горбуша в квадрате».

Кроме него присутствовали: заместитель командира роты по идейно-психологической работе (замполит по-старому) — старший лейтенант Скубло; заместитель по военной подготовке — старший лейтенант Зуй; сан инструктор, недавний выпускник военно-медицинского института —

лейтенант Сафон (новобранец роты); командир миномётного взвода — старший лейтенант Куль; и командиры десантных взводов — старшие лейтенанты Сретень, Кара и Град.

Алтай представил «особиста», достал из планшета, врученную им полковником Могучем карту, развернул её на столе, и начав со слов, которые давно уже стали для этих людей условным сигналом, что на этот раз их ждёт какое-то, даже для них, из ряда вон выходящее задание: «Мужики, держитесь за задницы и хренейте!..» пересказал то, что произошло с ним в министерстве обороны, час с небольшим назад. В общем это и было доведением боевой задачи до офицерского состава роты.

Первым отозвался Зуй — жизнерадостный юморист, очень говорливый и подвижный парень, таких люди называют «живчиками», а психологи — «гипертимами». Кто не знает, ни за что не подумает, что этот «Жванецкий» — зам ком роты элитного спецназа. Ну никак не вяжется это с образом сурового командос. — Ехарны бабай! Ох, нелёгкая это работа — родину спасти! Пойди туда — не знаю куда, сделай то — не знаю что. Стратеги хреновы. Одно ясно: Горбуша, спирта в рейд возьми побольше!

— Зу прав, — согласился Алтай, — Горбуша, возьми побольше. А теперь, господа, давайте о том,

что в придачу к спирту повезём. Насчёт «коробок» (БМД). Зу, проверишь, чтоб полный боекомплект — ПТУРЫ «Фаготы», «Корнеты», «Конкурсы», снаряды 30 мэмэ, ну и всё остальное, сам знаешь. /ПТУР- противотанковая управляемая ракета, средство борьбы с танками. Из 30-миллиметровой пушки БМД, броню танка пробить невозможно. Поэтому на БМД устанавливают ПТУР. ПТУРЫ можно использовать и самостоятельно, вне боевой машины. Управляется ПТУР наводчиком-оператором, который, двигая ручки на пульте управления, наводит ракету на цель. Сигнал с пульта управления, идёт на ракету по толстому проводу. А.Б./

— А своё противотанковое отделение оставляем?

— Да. Слушать внимательно надо было, Зу. Всё наше оставляем, и плюс к этому зенитное и сапёрное отделение, да и вон, товарищ старший лейтенант в придачу, — Алтай покосился на «особиста». Поэтому всё, как обычно — «Фаготы» и «Конкурсы» (марки ПТУРов), полный боекомплект. И ТПКашки проверь /на ТПК пешие десантные роты берут ПТУРЫ, автоматические гранатомёты, миномёты и боеприпасы к ним. А.Б./ Так. Зенитное отделение пришлое тоже проверишь. ПЗРК «Игла», полный боекомплект, ПЗРК «Стрела», полный боекомплект. Итого два полных